

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

«ТЁРКИН В СИБИРИ»: КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОЖНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ А.Т. ТВАРДОВСКОГО «ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ»)

В.Н. Калуцков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; v.kalutskov@yandex.ru*

Аннотация: В статье на основе культурно-географического подхода принята попытка критического осмысления широко известной поэмы А.Т. Твардовского «За далью — даль». Данный подход рассматривает поэму как сложное литературное путешествие. По мнению С.Я. Маршака, автор сознательно выбрал форму литературного путешествия, которая предоставила ему высокую степень творческой свободы.

С одной стороны, герой осуществляет реальную поездку по Транссибирской железнодорожной магистрали — от Москвы до Владивостока. А с другой — мысль автора совершает ментальное путешествие по крупным — стержневым — культурным регионам страны: Москва — Волга — Урал — Сибирь — Дальний Восток. Поэт называет их далями. В этом важнейшим для Твардовского путешествии он делает основательные поэтические «остановки»: каждому региону посвящены отдельные главы поэмы.

В этом заключается страновой подход поэта к литературному путешествию: мыслить масштабами огромной страны. В связи с этим каждый регион осмысливается в контексте пространства России, для каждого региона-дали придуман спектр ярких — национальных — географических образов.

Ключевые слова: литературное путешествие; культурно-географический подход; ментальное путешествие; культурный регион; национальный географический образ; Твардовский; Сибирь

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» и при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект № 02/2021-И «Первый литературный атлас России: важнейшие литературные места, ландшафты, путешествия и образы»).

Для цитирования: Калуцков В.Н. «Тёркин в сибире»: культурно-географическое исследование сложного литературного путешествия (на материале поэмы А.Т. Твардовского «За далью — даль») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 86–99.

“TERKIN IN SIBERIA”: A CULTURAL AND GEOGRAPHICAL STUDY OF A COMPLEX LITERARY JOURNEY (BASED ON THE MATERIAL OF A.T. TVARDOVSKY’S POEM “BEYOND THE DISTANCE”)

Vladimir N. Kalutskov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; v.kalutskov@yandex.ru

Abstract: In the article an attempt, based on the cultural and geographical approach, is made to critically comprehend the well-known poem by A.T. Tvardovsky “Beyond the Distance”. This approach considers the poem as a complex literary journey. According to S.Ya. Marshak, the author deliberately chose the form of a literary travel, which gave him a high degree of creative freedom. On the one hand, the hero makes a real trip along the Trans-Siberian railway — from Moscow to Vladivostok. On the other, the author’s thought makes a mental journey through the major — core — cultural regions of the country: Moscow — Volga — Ural — Siberia — Far East. The poet calls them “distances”. In this most important journey for Tvardovsky, he makes “long” poetic “stops”: separate chapters of the poem are dedicated to each region. This is the poet’s approach to literary travel: to think on the scale of a huge country. Therefore, each region is comprehended in the context of the Russian space, a spectrum of bright — national — geographical images was created for each region.

Key words: literary journey; cultural and geographical approach; mental journey; cultural region; national geographic image; Tvardovsky; Siberia

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Kalutskov V.N. (2022) “Terkin in Siberia”: a cultural and geographical study of a complex literary journey (based on the material of A.T. Tvardovsky’s poem “Beyond the Distance”). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 86–99. (In Russ.)

Поэме посвящено немало исследований. Некоторые из критиков видели в отсутствии сюжета и главного героя творческую неудачу, другие обсуждали вопросы лирики [Ушакова, 1958; Макаров, 1958] и фольклорных традиций в языке поэмы [Шептаев, Филатова, 1955]. В 1950-е годы значительная часть критических публикаций носило идеологизированный характер, рассматривая поэму как отражение современной советской действительности [Солоухин, 1958]. Публикация полного текста поэмы в 1961 г., включая главы, осмысливающие феномен культа личности, совпала с волной хрущевской оттепели. Как следствие, вектор идеологизированной критики резко сменился на противоположный — с прокоммунистического на анти-

Сталинский. Неудивительно, что начиная с 1960-х годов данная проблематика вышла на первый план [Турков, 2010].

Одним из немногих исследователей, который увидел в поэме Твардовского прежде всего литературное путешествие, был С.Я. Маршак [Маршак, 1961]. С позиции культурной географии сущностью литературного путешествия является литературное освоение пространства [Калуцков, 2015]. Настоящее исследование представляет собой попытку применения культурно-географического подхода к изучению поэмы А.Т. Твардовского как сложного травелога.

1. «Тёркин» в Сибири: контексты литературного путешествия. Поездка Твардовского в Сибирь — для него важный творческий и человеческий акт. Поэт сам чувствовал в этом внутреннюю потребность, понимая значимость Сибири в истории и в будущем России. И своим друзьям он говорил: «Поезжайте в Сибирь или на Дальний Восток. Вот места, которые любому человеку надо видеть» [Кондратович, 1985: 193].

В отклике на публикацию Владимир Солоухин писал, что советскую историю будущий историк будет изучать по поэмам Твардовского [Солоухин, 1961]. Поэма «За далью — даль» встраивается в этот ряд, представляя собой последнее крупное произведение писателя, подытоживающее его жизненный и литературный путь. Такая направленность произведения во многом предопределила его форму. С.Я. Маршак, отмечает, что автор сознательно выбрал форму литературного путешествия, в котором нет ни сюжета, ни яркого литературного персонажа, но которая дала ему высокую степень творческой свободы [Маршак, 1961: 50].

Поэма писалась целых десять лет, с 1950 по 1960 г. и была опубликована в 1961 г., но первые главы поэмы увидели свет уже в начале 50-х годов. Тем самым, вся страна в течение десятилетия могла реально наблюдать за творческой лабораторией поэта [Турков, 2010]. За длительный период написания произведения писатель несколько раз побывал на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, присутствовал на перекрытии Ангары. Тем самым литературное путешествие героя-автора представляет собой собирательное путешествие, вобравшее впечатления не от одной, а от нескольких поездок.

Для Твардовского, большого поэта-лирика, была характерна идеология глобального мышления, мышления масштабами огромной страны; такой подход к изображению окружающих реалий был вполне осознанным. Показательна его реакция на текст литературного путешествия из Москвы в Одессу Валентина Катаева. Твардовский не принял рукопись Катаева к публикации, поскольку она

состояла в основном из подорожных и лично-семейных впечатлений. Он был убежден, что любое путешествие должно включать прежде всего мысли о народе, его судьбах, а уж во вторую очередь о себе и своих близких [Кондратович, 1985: 217]. Такой подход С.Я. Маршак называет его чувством державности, Твардовский полноценно реализует в своей поэме.

2. Многослойность литературного путешествия Твардовского: культурно-географический подход. Герой поэмы совершает реальное путешествие по Транссибирской магистрали от Москвы до Владивостока. Показательно, что автор называет свою книгу *дорожной тетрадью*. Вместе с тем в поэме Твардовского описания пейзажей за окнами вагона часто находятся на периферии повествования. Главная причина подобной ситуации — авторская позиция и сложный характер рассматриваемого литературного путешествия; об этом заявляет и сам автор:

Есть два разряда путешествий:
Один — пускаться с места вдаль;
Другой — сидеть себе на месте,
Листать обратно календарь¹.

Многие литературоведы подхватывают идею автора о **двуединном характере путешествия**: «Поэт отправляется не в одно, а сразу в два путешествия: по пространству и по времени. Один его маршрут — Москва — Тихий океан. Другой — несколько десятилетий в жизни страны» [Маршак, 1961: 15].

На самом деле **структура путешествия** еще более сложная: она включает **не два, а четыре литературных путешествия** — путешествие-поездку, путешествие-осмысление, путешествие-воспоминание и путешествие-размышление.

Реальное — **физическое** — путешествие автора конкурирует с ментальным культурно-географическим путешествием, **путешествием-осмыслением** пространства огромной страны.

Внимание автора не размнивается «на мелочи», оно приковано к основным — стержневым — культурным регионам, на которых держится пространство России. И этот ряд оказывается очень небольшим: Москва — Волга — Урал — Сибирь — Дальний Восток. Именно они представляют собой важнейшие поэтические и «ментальные остановки» в этом путешествии. Каждому из них посвящены отдельные главы поэмы, а Сибири — даже целых три главы. Для Твардовского **страновой контекст** — важная составляющая видения любого региона или места. Не красота, не самобытность, ни уникальность, а роль и значимость этого места в истории и в будущем

¹ Твардовский А.Т. За далью — даль. М., 1961. С. 22–23.

России — вот, что отличает авторское восприятие российского пространства. Вот почему все выбранные автором стречневые геоконцепты, или дали, рассматриваются через общероссийский контекст: Москва и Россия, Урал и Россия, Сибирь и Россия. Особое место на этой образной карте страны Твардовского уделяется осмыслению исторического прошлого и будущего Сибири.

Длительная поездка литературного героя по железной дороге из конца в конец страны — это не только перемещение в пространстве, но и путешествие во времени, или **путешествие-воспоминание**.

В пути автор неоднократно возвращается к воспоминаниям своего детства, прошедшем в смоленском хуторе Загорье, к воспоминаниям об отце, матери, о тетке Дарье, о друге детства, прошедшем сталинские лагеря, о насытной деревенской жизни.

Обзор основных страт литературного путешествия был бы неполным, если бы не назвать еще один вид путешествия — **путешествие-размышление**, которое часто накладывается на путешествие-воспоминание. В процессе этого путешествия автор осмысливает прожитые вместе со всей страной нелегкие военные и послевоенные годы, переосмысливает место и роль Сталина в истории страны.

Тем самым, сложность травелога Твардовского заключается в его многоуровненности, в совмещении литературно-географического путешествия, или путешествия в пространстве, точнее в пространствах, физическом и ментальном, и литературно-исторического путешествия во времени.

Учитывая культурно-географическую направленность настоящего исследования, наибольшее внимание при рассмотрении произведения уделяется литературно-географическому путешествию, который включает, как уже отмечалось, два вида путешествий — **реальное физическое и ментальное культурно-географическое**.

Двуединый подход к путешествию автор реализует в концепте **дали**, который отражает и пространственный, и мемориальный аспекты авторского путешествия. С позиции культурной географии **даль представляет собой крупный регион страны, для каждого из которых автор разработал спектр новых национальных образов**. Маршак подмечает, что в выборе автором топонимов — Заволжье, Предуралье, Зауралье, Забайкалье, Дальний Восток — уже чувствуется даль [Маршак, 1961: 15]. Действительно, в тексте поэмы концепт дали чаще имеет пространственные коннотации:

И подо мной опять гудела
В пути оставленная сталь.
И до обратного предела
Располагалась та же даль.

И от вокзала до вокзала
Я снова в грудь ее вбирал:
И тьму тайги, и плес Байкала,
И степь, и дымчатый Урал².

Итак, в физическом литературном путешествии герой перемещается по трассе Транссиба, самой длинной железнодорожной магистрали мира, и его основными шагами-элементами являются конкретные придорожные города и станции.

Параллельно в мыслях герой осуществляет ментальное культурно-географическое путешествие. Его мысль парит над просторами России: с космической скоростью она летит над страной, напоминая движение гигантского героя одной из картин Бориса Кустодиева «Большевик». Шаг — и он, оттолкнувшись от Москвы уже на Волге; шаг — и герой уже слышит грохот металлургических заводов Урала. Еще один шаг — и он уже в Сибири радуется вместе с другими со строителями укрощению непокорной Ангары. «Перемахнув» через Байкал, герой восторгается просторами Дальнего Востока. И только Тихий океан приостанавливает движение этого титана...

При этом физическое путешествие автора-героя конкурирует и в этой конкуренции постоянно проигрывает ментальному культурно-географическому путешествию, путешествию-осмыслению пространства огромной страны. Это проявляется в том, что автор-герой почти не замечает больших и малых станций на пути: из трех десятков регионов и городов, упомянутых в поэме, только треть получила авторский образ, остальные просто упоминаются в тексте без какой-либо смысловой нагрузки.

По причине собирательного характера путешествия, вобравшего не одну, а множество поездок, а также в силу доминирования ментального начала над физическим в литературном путешествии Твардовского методические разработки, уместные для классических литературных путешествий, к нему применимы лишь частично [Калуцков, 2021]. В связи с этим методически исследование данного случая представляет собой последовательно-попутный, по мере продвижения на восток, культурно-географический анализ **важнейших для автора далее России**, анализ, который символично начинается с Москвы, а заканчивается образами Дальнего Востока.

3. Культурно-географическая карта России и ее основные «дали»: версия Твардовского. Свое необычное путешествие герой начинает в Москве (рисунок).

² Твардовский А.Т. Указ. соч. С. 90.

Рисунок. Образно-географическая карта России (по Твардовскому):
крупные культурно-географические регионы (дали) и места.

Карта составлена В.М. Матасовым

Крупным шрифтом показаны крупные культурно-географические регионы (дали по Твардовскому). Мелким жирным шрифтом даны места, реки и регионы, получившие авторские географические образы, мелким простым шрифтом — места только упомянутые в тексте.

Москва и москвоцентричность России. Москва в поэме лишена придорожных и пейзажных локальных образов: она сразу задается как важнейший — центральный — регион страны. Тема Москвы решается автором многоаспектно и к этой теме в поэме он обращается неоднократно. Будучи выходцем из провинции, Твардовский поднимает актуальную и для наших дней тему **социальной москвоцентричности**:

Москва — мечта,
Москва — задача,
Москва — награда за труды³.

Он с сокрушением относится к этой традиции, считая, что волна комсомольскихстроек, поднимающаяся по всей стране, способна ее переломить. Не случайно, в поэму он вводит чету молодых выпускников московских вузов, попутчиков героя, которые осознанно едут работать в противоположном направлении — из Москвы в Сибирь. Был бы жив поэт, он бы с удивлением обнаружил, что Москва по-прежнему действует многовековой механизм социальной москвоцентричности: столица по-прежнему притягивает к себе активных россиян от Владивостока до Калининграда.

Другой важный для поэта духовный образ **Москвы как синонима России**, связан с тем, что в русской культуре столица обладает самым высоким культурным статусом. Не случайно, при описании

³ Твардовский А.Т. Указ. соч. С. 114.

самых значимых для России мест — Волги, Урала, Сибири — Твардовский использует образ Москвы, нередко опираясь на фольклорные мотивы. С помощью Москвы повышается статус Волги:

Но Волга-матушка одна!
И званье матушки носила
В пути своем на век, не два —
На то особые права —
Она,
Да матушка Россия,
Да с ними матушка Москва⁴.

Таким же способом поднимается и культурный статус Сибири.

Да, я причастен гордой силе
И в этом мире богатырь!
С тобой, Москва,
С тобой, Россия,
С тобою, звездная Сибирь!⁵

Еще два московских образа, которые разрабатывает автор — Москва как культурный образец для всей страны и Москва как инфраструктурный центр страны — тесно связаны друг с другом.

Волга — «семь тысяч рек». Вторая даль поэта, возникающая по ходу движения на восток, связана с Волгой.

В образах Волги, которые предлагает Твардовский, заложено несколько картографических и культурно-географических коннотаций.

Глава, посвященная Волге, так и называется: «Семь тысяч рек». Это первый образ Волги у Твардовского. Реки эти, которые собрала главная река России от Валдая до Урала, *как будто древом разветвленным расположились на земле*. **Бассейн Волги как дерево** представляет собой настоящий картографический образ: он может возникнуть только после знакомства автора с картой волжского бассейна. Действительно, крону этого «дерева» формируют «семь тысяч рек», расположенных в лесных географических зонах, а «ствол» — это часть бассейна Волги в степной, полупустынной и пустынной географических зонах, где притоки у реки практически отсутствуют.

Выше мы уже обращали внимание на то, что автор усиливает фольклорный образ национальной реки, **реки-матушки**, соотнося его с Россией и Москвой. В рассматриваемой главе он развивает его дальше, называя **Волгу центром России**.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 34.

Что Волга — это **середина**
Земли родной.
Семь тысяч рек!⁶ (выделено авт. — В.К.)

Тонко подмечены поэтом и **евразийские коннотации** геоконцепта Волги.

Вот почему нельзя не верить,
Любуясь этою волной,
Что **сводит Волга** — берег в берег —
Восток и запад над собой;
Что оба края воедино
Над нею сблизились навек...⁷ (выделено авт. — В.К.)

Действительно, Поволжье — один из самых полиэтничных регионов России, здесь проживают и православные, и мусульмане, представители славянских, тюркских и финно-угорских народов. И для каждого поволжского народа — это главная река.

Возможна и другая — цивилизационно-пограничная — трактовка данного поэтического образа: **Волга как культурная граница.** Напомним, что некоторые географы, включая М.В. Ломоносова, проводили границу между Европой и Азией именно по Волге.

«**Урал! Опорный край державы...**» Строки поэмы, посвященные Уралу, вошли не только в школьные учебники литературы, но и в учебники географии:

Урал!
Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец⁸.

Поэт отдает дань Уралу, внесшему огромный вклад в недавнюю победу над врагом. Но у автора проступает и свое, сугубо личное и теплое отношение к этому легендарному краю России. Грохот и дым металлургических исполинов у него ассоциируются со знакомыми с раннего детства звуками отцовской кузницы. Для выражения своих чувств он использует фольклорную лексику: *батюшка Урал*.

Другой образ региона — *дымчатый Урал* — можно трактовать двояко. Во-первых, в этом образе можно увидеть переключку с названием одного из самых красивых уральских самоцветов — дымчатым кварцем. Во-вторых, в нем, очевидно, демонстрируется промышленный характер края. Еще в 1950–1960-е годы промышленный город в нашей стране ассоциировался с идеей развития: с того

⁶ Твардовский А.Т. Указ. соч. С. 30.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Там же. С. 38.

времени на гербах некоторых индустриальных городов можно видеть изображение трубы с дымовым шлейфом. Однако уже в 1980-е годы в обществе стала доминировать другая — экологическая — интерпретация данного образа.

«**Звездная Сибирь**». Вне сомнения, сибирская даль — главная даль всей поэмы. Глава «Огни Сибири» начинается с полноценного географического описания южносибирского ландшафта, очень напоминающего сибирские наблюдения Чехова [Калуцков, 2021]:

Иная даль, иная зона,
И не гранит под полотном —
Глухая мякоть чернозема
И степь без края за окном.
А на ее равнине плоской —
Где малой рощицей, где врозь —
Старообразные березки
Белеют — голые как кость⁹.

Но — ожидаемо — не пейзажные зарисовки передают сущность этой дали. Автор воссоздает фольклорные образы, среди которых и Александровский централ, и бродяга с Сахалина, и дикий берег Иртыша, и священное море Байкала. Касаясь истории и мотивов освоения Сибири, Твардовский подбирает очень точные слова:

Издадека веди сюда
Кого приказ,
Кого заслуга,
Кого мечта,
Кого беда...¹⁰

Негативные образы края, связанные с недавней историей (*недоброй славы край глухой; угрюмое наследство*), перекликаются у него с темой уничижительного отношения к России со стороны Запада:

Москва. Сибирь.
Два этих слова
Звучали именем страны,
В значенье дикости суровой
Для мира чуждого равны¹¹. [Твардовский, 1961: 151]

Поэт развенчивает этот миф, демонстрируя в поэме картины грандиозных строек, называя имена выдающихся ученых и художников, листая картины русской истории.

В целом же Сибирь осмысливается как «пустая земля», неосвоенная человеком. И, если у Чехова нетронутая природа представля-

⁹ Там же. С. 41.

¹⁰ Там же. С. 71.

¹¹ Там же. С. 151.

ет собой источник вдохновения для будущих сибирских поэтов, то у Твардовского первобытное состояние региона подается как *упрек* советскому человеку (подобная оценка неоднократно встречается в тексте). Как *укор* воспринимаются такие характеристики Сибири, как *суровая дремучесть*, *неотодвинутый лес* железнодорожной просеки, *земля пробитых в глушь путей* и *редких дымов* и т.п. Устами поэта Сибирь взывает к человеку — полюбите меня, освоите, сделайте меня своей. И Твардовский, как поэт-гражданин, отвечающий за все, что происходит в стране, соучаствует в знаковом акте освоения «пустой» сибирской земли — в первом перекрытии Ангары. Похоже, что именно оно было важнейшей целью поездки героя в Сибирь. Ради этой цели он оставляет уже обжитое пространство вагона и устремляется далеко в сторону от Транссиба. Герой осознает значимость этого исторического события середины 1950-х годов в преобразовании всего огромного региона:

... эти воды,
Подобно волжским и иным,
Уже на дар, а дань природы —
Войдут в назначенный режим;
Подтянут к центру захолустья,
Дадут запев Сибири всей.
А там еще и Братск, и Устье,
А там и братец Енисей,
А там...¹²

И, действительно, после создания Иркутской ГЭС, последовало строительство Братской и Усть-Илимской гидроэлектростанций на Ангаре и двух мощных ГЭС на Енисее.

Велимир Хлебников писал о том, что русской литературой плохо воспеты Урал и Сибирь с Амуром и что ей нужен новый Пржевальский [Хлебников, 2005]. Проблематику образной недоосвоенности Сибири в своих работах развивает Д.Н. Замятин [Замятин, 2009]. Продолжая традиции В. Хлебникова, Твардовский пишет не только о слабой материальной, но и о **недостаточной культурной освоенности края**. Поэт осознает, что огромному региону нужны новые города и новые люди. Но, не менее, а может быть и более важно, что Сибири не хватает новой *мощной песни*, песни, которую бы подхватила вся страна. И он помышляет участвовать в этом деле...

Крайняя даль страны — Дальний Восток и его образы. Представляя Дальний Восток, поэт предъясвляет перед нами две взаимодополняющие картины. Первая из них — во многом схожа с

¹² Там же. С. 126–127.

сибирской: тот же простор, богатейшая природа, тот же упрек неосвоенности.

Но край, таким богатством чудный,
Что за окном, красуясь, тек,
Лесной, земельный, горнорудный,
Простертый вдоль и поперек,
И он таил в себе подспудный
Уже знакомый мне упрек¹³.

Вторая картина, нарисованная поэтом, связана с пограничным образом края как предела Земли Русской. Эта картина реализуется через пространственные сентенции, адресованные **Тихому океану**. У последнего нет какого-либо содержательного образа: это природный барьер, предел движения, последняя остановка.

Владивосток!
Наверх, на выход.
И — берег! Шляпу с головы
У океана¹⁴.

Автор-герой на последней станции Транссиба, увидев океан, кланяется ему от имени всех увиденных русских далей — от Москвы, от Волги-матушки, от батушки-Урала, от Байкала, *от Ангары и всей Сибири*, вспоминая увиденное, всю огромную пропущенную через сердце Русь.

Интересно, в духе Твардовского, решен образ столицы края — **Владивостока**. Небольшая пейзажная зарисовка приморского города завершается его неожиданным сравнением с Ленинградом, за счет чего сразу задается страновой контекст и образ города подтягивается до глобального:

На двух краях материка
Стоят два труженика-брата,
Два наших славных моряка —
Два зримых миру маяка¹⁵.

* * *

Итак, культурно-географический анализ поэмы Твардовского показал необычный характер литературного путешествия советского писателя. Одно из них — физическое, совершаемое по Транссибирской магистрали, другое — ментальное, путешествие-осмысление пространства огромной страны.

---

¹³ Там же. С. 161.

¹⁴ Там же. С. 165.

¹⁵ Там же. С. 166.

Страновой подход автора к литературному путешествию заключается в приоритете глобального — державного — начала при описании конкретных мест и регионов над подорожными впечатлениями. Это выражается в осмыслении пространства России через ее крупные культурные регионы (*дали*) и в разработке для каждого них целого спектра ярких национальных географических образов.

Образно-географическая карта страны, созданная на основе такого подхода, включает пять важнейших далей, — Москву, Волгу, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Центральное место в этом ряду занимает Сибирь, образы которой представлены наиболее развернуто.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Замятин Д.Н.* Вообразить Россию. Географические образы и пространственная идентичность в Северной Евразии // Россия: воображение пространства / пространство воображения / Отв. ред. И.И. Митин. М., 2009. С. 13–23.
2. *Калуцков В.Н.* Литературная география как научный предмет и как учебная дисциплина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 67–79.
3. *Калуцков В.Н.* Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А.П. Чехова (на материале очерков А.П. Чехова «Из Сибири» и его путевых писем) // Географический вестник. 2021. № 3(58). С. 74–91.
4. *Кондратович А.И.* Александр Твардовский: Поэзия и личность. М., 1985.
5. *Макаров А.* «За далью даль» // Знамя. 1958. № 8. С. 191–209.
6. *Маршак С.Я.* Ради жизни на земле: Об Александре Твардовском. М., 1961.
7. *Солоухин В.* Поэзия и время // Литературная газета. 1958. № 85 (17 июля).
8. *Твардовский А.Т.* За далью — даль. М., 1961.
9. *Турков А.М.* Александр Твардовский. М., 2010.
10. *Ушакова Н.П.* О лиризме в поэзии А. Твардовского // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. 1958. Т. 184. Вып. 6. С. 264–272.
11. *Хлебников Велимир.* О расширении пределов русской словесности // Собр. соч. Т. 6/1. М., 2005.
12. *Шенгтаев Л., Филатова А. А.* Твардовский и народная лирика // Русская советская поэзия и народное творчество. Л., 1955. С. 300–307.

REFERENCES

1. Kalutskov V.N. 2015. Literaturnaya geografiya kak nauchnyy predmet i kak uchebnaya distsiplina [Literary geography as a scientific subject and as an academic discipline]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 67–79. (In Russ.)
2. Kalutskov V.N. 2021. Yuzhanin v Sibiri: literaturno-geograficheskoye issledovaniye puteshestviya A.P. Chekhova (na materiale ocherkov A.P. Chekhova “Iz Sibiri” i ego putevykh pisem) [A Southerner in Siberia: a Literary and Geographical Study of A.P. Chekhov’s Journey (based on the material of A.P. Chekhov’s essays “From Siberia” and his travel letters)]. *Geograficheskiy vestnik*, no. 3 (58), pp. 74–91. (In Russ.)
3. Khlebnikov Velimir. 2005. O rasshirenii predelov russkoy slovesnosti [On the expansion of the limits of Russian literature]. *PPS*. Vol. 6/1. Moscow. (In Russ.)

4. Kondratovich A.I. 1985. *Aleksandr Tvardovsky: Poeziya i lichnost* [Alexander Tvardovsky: Poetry and personality]. Moscow. (In Russ.)
5. Makarov A. 1958. “Za dalyu dal” [“Beyond the distance”]. *Znamya*, no. 8, pp. 191–209. (In Russ.)
6. Marshak S.Ya. 1961. *Radi zhizni na zemle: Ob Aleksandre Tvardovskom* [For the sake of life on earth: About Alexander Tvardovsky]. Moscow. (In Russ.)
7. Sheptaev L., Filatova A. 1955. Tvardovsky i narodnaya lirika [A. Tvardovsky and folk lyrics]. *Russkaya sovetskaya poeziya i narodnoye tvorchestvo*. Leningrad, pp. 300–307. (In Russ.)
8. Soloukhin V. 1958. Poeziya i vremya [Poetry and time]. *Literaturnaya gazeta*, no. 85 (17 iyulya). (In Russ.)
9. Turkov A.M. 2010. *Aleksandr Tvardovsky* [Alexander Tvardovsky]. Moscow. (In Russ.)
10. Tvardovsky A.T. 1961. *Za dalyu dal* [Beyond the distance]. Moscow. (In Russ.)
11. Ushakova N.P. 1958. O lirizme v poezii A. Tvardovskogo [On lyricism in the poetry of A. Tvardovsky]. *Uchenyye zapiski Leningradskogo gos. ped. in-ta*. Vol. 184, no. 6, pp. 264–272. (In Russ.)
12. Zamyatin D.N. 2009. Voobrazit Rossiyu. Geograficheskiye obrazy i prostranstvennaya identichnost v Severnoy Evrazii [Imagine Russia. Geographical images and spatial Identity in Northern Eurasia]. *Rossiya: voobrazheniye prostranstva / prostranstvo voobrazheniya*. Moscow, Agraf, pp. 13–23. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.12.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 20.11.2021;
approved after reviewing 20.12.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Калуцков Владимир Николаевич — доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; v.kalutskov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Kalutskov — Dr.habil in Geographical Sciences, Professor of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; v.kalutskov@yandex.ru